

Мэри Кушникова

Место в памяти: Вокруг старого Кузнецка

ТВЕРДЬ СРЕДИ ВОДЫ

Из летописи Кузнецкстроя

День второй. Осенью 1932 года, будоража мальчишек и интригуя обывателей, автомобиль вез по улицам Кузнецка корреспондента промышленного отдела местной газеты «Большевицкая сталь» Е. Владимирова. Он сопровождал московского корреспондента Илью Эренбурга, прибывшего по командировке «Известий». Знаменитый писатель, публицист, общественный деятель только что совершил путешествие по Европе и опубликовал ряд очерков об этой поездке. Ведущая тема его в ту пору—противостояние двух миров и бесспорная победа социализма. Во всяком случае эта тема обеспечивала ему возможность длительных пребываний за границей, и он эту тему «разрабатывал», акцентируя внимание, впрочем, на противостоянии двух миров...

Эренбург не знал, во что выльются впечатления о Кузнецкстрое. Он хотел увидеть своими глазами одну из наиболее фантастически-масштабных строек тех диковинных лет.

Роман «День второй», по словам писателя, был назван так по аналогии с библейской легендой о сотворении мира: «В первый день свет отделился от тьмы, день от ночи; во второй — твердь от хляби, суша от морей. Человек был создан на шестой день Мне казалось, что в создании нового общества годы пятилетки были днем вторым: твердь постепенно отделялась от хляби...»

Роман вышел в свет в Москве в апреле 1934 года и вызвал жаркие споры. Сам Эренбург считал, что реальность, какую он встретил на Кузнецкстрое, в прикрасах не нуждается, хотя возражения предвидел заранее: «...будут говорить, что я захотел исказить прекрасную действительность, то есть не изготовил еще одну олеографию по установленному и одобренному образцу». И — «лучше сейчас сделать слабую книгу, но свою, чем взять немножко от Золя, немножко от Льва Толстого и немножко от советской действительности», - считал он.

Он не думал о критике. Он писал. Работа была закончена за три месяца. Он еще не знал, удалась ли ему книга, но знал — нужна именно такая! Он хотел сделать честную книгу.

Сейчас эта суровая книга переведена едва ли не на все языки мира. Подобны мозаике главки-зарисовки о людях Кузнецкстроя.

По прошествии полувека, казалось бы, не установить, какие прототипы скрываются под Кольками и Васьками Кузнецкстроя. Но так ли это? С каждым годом выявляются новые факты, новые имена. Может быть, бригадир землекопов Ваня Морозов, может, Паша Комаров, первый секретарь комсомольской организации, делегат IX съезда комсомола, читаются в чертах героев романа...

«Мы здесь как на фронте... Лентяйничать некогда, курить тоже. Каждая минута на строгом учете. Дисциплина, твердая, армейская, ни одного прогула...»

«В ночь на двадцатое марта, когда пальцы рук ныли от игл мороза, в щели сапог дул ветер, бригада дала рекордную выработку...»

«Десять молодых ударников вынули 79,52 кубических метра. Почти по 8

кубических метров мерзлой земли на человека...»

Железная поступь эпохи.

Строки тех лет. Один из дневников, вдохновивших Эренбурга, хотя в 1934 году на встрече литкружковцев при редакции газеты «Смена» он скажет, что в романе «едва ли наберется двадцать фраз, в основу которых легли выдержки из рассказов людей или их дневников». Время вносит свои коррективы во многие наши представления. И если еще до недавних пор считалось, что рабочие на стройке не вели дневников, то вот они перед нами, строки из дневника Вани Морозова, бригадира землекопов. И, надо полагать, Эренбург цитирует лишь наиболее однозначные из них...

А вот коллективный портрет стройки — пером Эренбурга:

«Комсомольцы, охваченные восторгом... верили, что стоит построить заводы-гиганты — и на земле будет рай... Не было ни песен, ни флагов, ни речей. Слово «энтузиазм», как многие другие, обесценено инфляцией; а к годам первой пятилетки другого слова не подберешь — именно энтузиазм вдохновлял молодежь на ежедневные и малоприметные подвиги». О, святая вера...

Это была пора, когда газета «Кузбасс» публикует заметку «Еще одна вылазка кулацкой агентуры на энергострое» (речь идет о Щегловских обстоятельствах — но «веяние времени» едино по всей стране), в которой повествуется о плотнике Холодкове из бригады Индиса, который собрал митинг и кричал: «Нас эксплуатируют здесь, требуют работы, а нам ничего не дают. Мы ничего не зарабатываем». На окрик прораба Холодков ответил «крепким матом». И, стало быть, — делает вывод автор, — «этот кулацкий агент обнаглел до того, что прорабу не удалось его остановить». (Это

— из сводок ОГПУ, о которых ниже под заглавием «О настроении в связи с процессам над вредителями «Промпартии» и «По рабочему вопросу» (ГАКО — ф. 18 — ОП. 1— Д255).

Приравнивая строфы к штыку. До недавних пор считалось невозможным найти точные прототипы героев романа «День второй» лишь потому, что, как рассказывал позднее Илья Эренбург, он никогда не описывал в деталях портрет кого-либо из кузнецкстроевцев — он «сращивал» их, он вчитывался в дневники и письма томских вузовцев и из них синтезировал своих героев. Но, опять же, так ли это?

В ноябре 1929 года в журнале «Чудак» уже появились знаменитые стихи Владимира Маяковского «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», которое на этой фантастической стройке, как в бою, служило оружием. Так свидетельствует писатель Александр Смердов, в то время — рабкор на Кузнецкстрое.

Стихи Маяковского о Кузнецкстрое вообще «действовали». В своей работе «Мечта и ее осуществление» академик Иван Павлович Бардин вспоминает, что именно стихи про город-сад поддержали в строителях Кузнецкого гиганта решимость и веру в осуществление мечты, когда приехала некая комиссия и в пух и прах «распушила» энтузиастов.

Когда Илья Эренбург приехал на Кузнецкстрой, стихи Владимира Маяковского о «городе-саде» уже знала вся страна. Более того, в ту пору название стихов еще включало фамилию того, с чьего рассказа они были написаны поэтом «по горячему», по самому первому впечатлению. «Рассказ Хренова о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», конечно же, был известен Эренбургу. А в 1931 году тиражом в 25 тысяч в

Москве появилась книга «От Кузнецкстрой к Кузнецкому металлургическому гиганту». И автором ее был И. П. Хренов. Тот самый Хренов, с которым Маяковский подружился с 1926 года и встретился в ноябре 1929 года в Москве у своих друзей Бриков. Тогда и состоялся знаменательный разговор о Кузнецкстрое. Сейчас уже многое известно об этом необыкновенном человеке — герое своего времени, — шаг за шагом прошедшем славный и горький путь мальчишеских подвигов, разочарований и кар, постигших столько его сподвижников.

Можно предположить, что, отправляясь на Кузнецкстрой, Илья Эренбург познакомился с этой весьма знаменательной книжечкой, которая вся — пафос стройки, вся — об ее героях. Полвека ждала своего часа эта книжка в фондах областной научной библиотеки, пока не была вновь «найдена», чтобы приоткрыть перед нами величие тех «славных 30-х». Мы листаем ее сегодня, и яркой панорамой разворачивается перед нами Кузнецкстрой с его героями. Так могла ли миновать эта книжка Эренбурга, который специально собирался на Кузнецкстрой, чтобы увидеть чудо-стройку? И если он прочел ее, то мог ли избежать соблазна «списать» хотя бы некоторых из упомянутых Хреновым людей?

Первая глава книги Хренова называется «Догнать и перегнать!» В этом темпе и написана книга: «Разве это не трудовой героизм — в лютый 50-градусный мороз рыть котлован, покрывающийся твердой ледяной корой! Рыть коченеющими руками! Рыть ночью! И не просто выполнять свою работу, но и побивать рекорды!..»

«Поскольку люди, которые показывали мне строительство, жили этой жизнью, то я на все это смотрел, но мне было интересно, как они об этом говорят, а не то, что они

говорят... Потому что, если писатель показывает человеческие отношения неверно, то это уже не писатель... В Кузнецк привезли изумительные машины. А строили завод-гигант чуть ли не руками. Были мощные экскаваторы, но я видел, как люди таскали землю на себе. Не хватало кранов, и один молодой рабочий сконструировал деревянный кран. Незадолго До моего приезда рухнули леса, и люди погибли. Их хоронили с воинскими почестями... На стройке не было театров, ни деревьев, ни улиц, но стройка числилась городом, и в этом городе были горком, бюро красных партизан, техникум овощеводства, литконсультант по поэзии, клуб нацменов и фотоателье. Стройка, однако, оставалась стройкой. Как прежде, клепальщики на морозе клепали каупера, а в душных бараках строители ругали харчи и говорили о большевистских темпах...»

Стройка... Эренбург не изучал технологию строительства, когда писал «День второй». Он полагал, что время, затраченное на изучение «технологии вопроса», — потерянное время. Ему было много важнее узнать, что о стройке люди «говорили с любовью, восторгом, с интересом», нежели проникнуться тонкостями плавки чугуна. «Я бы не выдержал примитивного экзамена по этому вопросу!» — вспоминал он. Писатель давал на проверку специалистам страницы, где описывал технику, «чтобы не было тех ляпсусов, которые неприятны человеку, знакомому с этим вопросом». Но — и только. На вопрос, может ли считаться культурным писатель, не л знающий, чем заправляют трактор — бензином или керосином, ибо читатель «никогда не простит технической безграмотности», безмятежно отвечал, что гораздо страшнее ошибки в понимании психологии людей и движущих ими стимулов.

И все-таки он знал стройку. Он улавливал в ней самое важное — то, что делает ее явлением. Как Маяковский. Как Бардин. Как Хренов.

В стихах Маяковского о Кузнецкстрое схвачен смысл именно явления:

Свела

проmozглость

корчею,—

неважный

мокр

уют,

сидят

впотьмах

рабочие,

подмокший

хлеб

жуют.

Но шепот

громче голода —

он кроет

капель

спад:

«Через четыре

года

Здесь будет

город-сад».

И суть именно в том, что «шепот — громче голода», так что мечта «через четыре года здесь будет город-сад» начисто перекрывает то, что «неважный мокр уют».

Через четыре года

здесь будет город-сад!

Несмотря. Вопреки. Будет!

Люди великой стройки. Рабочие заметки Эренбурга освещают явление «Кузнецкстрой» как бы изнутри. Они — продолжение романа. В Кузнецке работали двести двадцать тысяч строителей. Роман — о каждом из них персонально, хотя в нем мы найдем лишь отголоски писательских встреч и впечатлений. Мы не встретим в нем Сергея Мироновича Франкфурта, начальника стройки, который «был одержим, иначе не скажешь, он почти не спал, ел на ходу». Но именно он, несгибаемый большевик, бывший политэмигрант, в комнате которого среди неуютностей стройки висит акварель «Париж в сумерки», именно он, который много позже в трудную годину, поруганный, на краю гибели, заявит: «Я был большевиком и умру большевиком», должен был незримо присутствовать в романе «День второй», иначе как можно было привести в систему огромную, хаотически сложившуюся общность людей, среди которых были и циники, и авантюристы, и просто летуны, которые орали «даешь спецуру» и чуть что — бросали работу.

Франкфурт мог это сделать. Не напрасно же в ту пору появились в местной газете

такие строки Леонида Равича:

Здесь Франкфурт стоит не на Майне,

Здесь Франкфурт стоит на Томи.

...Франкфурт, которого постигла «судьба эпохи». Эпохи, когда в упомянутых уже сводках ОГПУ осели мнения «простого рабочего человека»: скажем, о том, как воинские части Щегловска «с радостной душой» голосовали за расстрел ученых-«вредителей», потому что — «Наплевать, что ученые! На смену гадам придут новые пролетарские ученые, а этих сколько ни корми, они все в лес глядят».

Мы не встретим в романе Ивана Павловича Бардина, блестящего инженера, человека большой культуры и невероятной работоспособности, хотя Эренбург знал его и им восхищался. Да и можно ли было им не восхищаться? Александр Бек рассказывал: в день приезда литбригадовцы зашли к Бардину в кабинет. На стене висела «синька» — генеральный план завода. Бардин, сухощавый, с кустистыми насупленными бровями, суровый человек, вдруг повернулся к плану: «Общая конфигурация завода напоминает чайку на занавесе Московского Художественного театра». Бек писал потом, что ощутил душу говорившего с нами инженера: приоткрылась нежность, которую он питал к заводу».

Чуть более двадцати лет назад Бардина не приняли шлаковщиком на завод Гэри около Чикаго. Теперь он был главным инженером завода. Возможно, он испытывал к заводу именно нежность, как к трудно пестуемому детищу. Но — не только. «Во всем мире нет лучшего района, чем район Кузнецкого завода,— уверял он.— Разбита легенда о том, что в Азии нет руды. Неисчислимые запасы угля и руды лежат рядом!»

— заявил он 13 декабря 1932 года на активе Кузнецкстроя. Он уже строил планы на будущую пятилетку, видел завод, который станет доставлять Уралу по двадцать поездов кокса в сутки. Мысленно он уже перешагнул через Кузнецкстрой, продвинулся далеко вперед, хотя Кузнецкстрой лишь шел к своему зениту. Такой это был человек, Иван Павлович Бардин, «похожий на шведского шкипера»,— как описал его Бек. Человек, ни разу не названный в романе И. Эренбурга, но присутствующий на каждой его странице.

«...Какие счастливые те инженеры, которым поручено будет строить такой грандиозный завод, какая счастливая судьба для инженера создать такое новое, замечательное дело...»

«...Я был горд и счастлив, что именно на меня пал выбор строить завод в Сибири, о крае, который многих отпугивает своей суровостью и дикостью...»

Это строки из книги Ивана Павловича Бардина «Жизнь инженера». Он понимал, что задача, возложенная на него, трудна, более того,— невыполнима, и знал, что он ее выполнит,— напишет о нем Эренбург. И поскольку весь роман «День второй» проникнут ощущением выполнимости невыполнимого, И. П. Бардин незрим»; присутствует в нем.

На стройке рождались строители будущего и умирали не щадящие себя строители той поры. На стройке выковывались характеры и трагически «перековывались» социальные группы. Стройка была звеном, связующим пафос гражданской войны с пафосом мирного созидания. Она была знаменем мира, но походила на жаркий участок фронта,— она помогала вчерашним красным партизанам, еще не остывшим

после сражений и неловким в новой повседневности, как альбатросы, которым приходится ступать по земле, она помогала им войти в эту повседневность, как в боевую схватку и найти свое место в ней.

Кто послужил Эренбургу прототипом для красного партизана Самушкина — разве теперь скажешь? Но какая удивительная узнаваемость в его первомайском выступлении! «Я как старый партизан скажу вам, что смертельный бой еще продолжается, потому что надо построить социализм... Я как старый партизан скажу вам, что я могу теперь спокойно умереть, потому что есть у нас, товарищи, настоящие люди».

Иностранные гости появлялись на стройке часто. Они разглядывали домны и землянки, в которых ютились создатели домен. Они хотели увидеть ударников. Они не верили в пафос, но, удостоверившись, приобщили советскую стройку к перечню всемирных чудес.

«День второй» — графически жестко высвеченная хроника подвига, драматизм которой предстоит переосмыслить лишь через полвека. Иностранные спецы удивлялись не даром, заявляя, что так строить нельзя. Оказалось можно. С людьми-винтиками, да еще ослепленными верой, — конечно же, можно. И, главное — как ни парадоксально, оказалось, нужно. «...Рая, о котором тогда мечтали молодые, они не увидели, но десять лет спустя домны Кузнецка позволили Красной Армии спасти Родину и мир от ярма расистских изуверов». Как бы мы ни анализировали сейчас беды и победы Великой Отечественной, а, главное, ее «цену», — тем не менее точнее Эренбурга сущности явления не выскажешь.

...Почтительное восхищение потомков, равно как и золотая строка в истории,— это потом. Пока же — жестокий бой, зафиксированный пером блистательного публициста. Пока — дремотный Кузнецк, в котором всего лишь семьдесят лет назад мучительно разыгрывалась драма Достоевского, и отдаленная от Кузнецка мостом и несколькими километрами великая стройка, зачатая и завершенная в легендарном порыве, взаимодействуют как сообщающиеся сосуды. Точки притяжения меняются во времени, час Достоевского еще не пробил. Магнитно притягивала к себе стройка, она будоражила кузнецкую дрему, вторгалась в тихое увядание Кузнецка, засылая в его сонные улочки своих закоперщиков с прельстительными рассказами о бесшабашной строечной жизни. «Дом Достоевского» еще не стал историей, к нему редко кто подходил как к памятному месту... Но наступит время, когда историей равно станут кипучая, бродящая, как молодое вино, стройка и старый деревянный домишко.

Пока же кузнецкстроевцы рассуждают о старом Гурьевском металлургическом заводе — он хорошо поработал, отливал детали для Кузнецкстроя, спасибо ему. Но потом его обязательно сломают — слишком устарел. То, что он простоял почти полтора века и что на его паровых машинах, как на памятниках, обозначена солидная дата — 1859,— тогда еще никого не впечатляло.

Час памяти еще не настал. Это был день сегодняшний и только сегодняшний, ничего не щадящий и всепобеждающий. Поиск корней начнется много позже, когда памятником станет старейший цех Гурьевского завода, и горькое сожаление охватит вчерашних строителей Кузнецкстроя оттого, что примитивные машины с теми солидными датами пошли на лом — бесценные свидетели истории безвозвратно

потеряны для какого-нибудь музея истории техники.

Поиск корней — это впереди, когда величественный КМК, отметивший свои первые полвека, сам в какой-то мере станет памятником. Пока же стройка и ее строители настолько юны, что любое прошлое для них не корень, а балласт, и это печальная закономерность, потому что в бою нужна воля к победе и верная рука, и нет места для рассуждений. Пора жадного стремления к знанию, рывок к общемировой культуре — это опять-таки будет потом. Пока — старательно выведенные строки школьного сочинения. «Коммунисты совсем забыли личную жизнь. Они все внимание сосредоточивали на революционной борьбе...»

Это было время, когда пора летописца лишь предстояла. Пока же великая стройка могла сокрушать, созидать, порождать и «перековывать» — как гигантский огненный корабль, она могла лишь нестись в будущее...

«День второй» — хроника Кузнецкстроя, но и хроника времени. «Мой роман — собирательная вещь, — говорит Эренбург, — меня больше всего интересовали люди». И еще — «я не понимаю, как можно писать об определенном заводе». Он добывал в Донбассе и в Бобриках (будущем Сталиногорске). Он знал Новосибирск и Свердловск. Он слышал, как рабочие называли домну «Домной Ивановной», а мартеновскую печь «дядей Мартыном». Он изучил знамение времени: вздыбленная страна строилась.

И тем не менее о них, о реальных кузнецких героях, строителях коксового, доменного, прокатного, мартеновского цехов, о бесчисленных плотниках и землекопах, о находчивых монтажниках, бригады Щуплецова, которые ставили тяжелые колонны мартеновских цехов без подъемных кранов, об огнеупорщике,

бывшем пекаре Шидеке, о бригаде землекопов Филиппова написана книга «День второй», хотя их фамилии ни разу не названы. Это они вросли в творческий сплав, в котором слились воедино судьбы строителей КМК. Она о сегодняшнем КМК, дабы не было забыто, что в основе его — Кузнецкстрой. Она о сегодняшних металлургах, дабы не забыто было, что от тех первых строителей — неразрывная нить к множеству сегодняшних жителей города-сада, Новокузнецка. Эта книга — напоминание. На улицах города мы и сейчас встречаем убеленных сединами тех, кому тогда было двадцать. «Строители Кузнецка, как и все их сверстники, прожили нелегкую жизнь. У этого поколения было мало времени для раздумий. Его утро было романтичным и жестоким» — читаем мы. Мы узнаем этих бывших строителей по горению души, которое сопутствует их делам. По масштабу дел. По рабочей совести. По неподатливости позиций, когда они защищают от забвения дома и улицы своей юности. Ибо пробил час памяти, для которой святы деревянный домик в Кузнецке, и первые бараки, в которых в 30-е годы селились энтузиасты, построившие город-сад, и преисполненный индустриальной мощи гигант КМК. За домами его стоят бесчисленные Сашки, Кольки и Сеньки, ниспровергатели, мечтатели, борцы, увековеченные в романе «День второй» Ильей Эренбургом. Именно в память об их нечеловечески трудной, во многом обделенной, но и героической юности мы вносим нынче в охранные списки: «КМК — памятник трудовой славы», и за привычным словосочетанием не должен меркнуть смысл бессмертных слов: Слава и Труд.

На первой партийной конференции Кузнецкстроя не было ни одного корреспондента от газет. Машинописного протокола тоже не осталось — (просто в ту

пору на Кузнецкстрое не было машинисток Синими и зелеными чернилами, а то и просто карандашом, исписаны страницы этого знаменательного протокола. Разными почерками. То размашистым, то мелким. Многие слова в спешке не дописаны.. «...Эти протоколы будут переписываться и перепечатываться. К ним будут прикидывать глаза историков», — пишет А. Бек в своей книге «Почтовая проза», которая как бы служит документальным фоном для романа И. Эренбурга «День второй».

В заключение этой главы обратимся снова к строкам воспоминаний. Степан Семенович Дыбец некогда юношей эмигрировал в Америку, был участником движения «Индустриальные рабочие мира», познакомился с Биллом Хейвудом, причастен к организации АИК. В Советском Союзе стал коммунистом, был заместителем Межлаука в тресте Югосталь. На Кузнецкстрое работал хозяйственником-строителем, а в 1934 году был послан в Америку для заключения договора с Фордом. Но еще в 1922 году, задолго до начала Кузнецкстроя в газете «Правда» опубликована статья С. С. Дыбца: «Отметит ли когда-нибудь историк эту повседневную, кропотливую работу самих масс? Придет ли когда-нибудь он к нам, участникам великого переворота, который совершается в самых глубинах жизни, попросит ли нас, пока мы живы, «свидетельствуйте перед историей?»»

С. С. Дыбец никак не подозревал, что, наряду с воспоминаниями романтиков и энтузиастов его поры, выплывут много позже, из отчетов осведомителей ОГПУ, иные, совсем иные настроения, связанные с процессами над учеными, «которые вредили».

«Завоевали себе власть, что с голоду хоть пропадай, да людей расстреливают за вредительство. А где же были глаза у Советской власти, когда они вредили? Эх и

власть! Она только для коммунистов. Но не долго это барство будет. Вот порасстреляем умных людей, тогда и сядут на якорь». (Зимин, сторож бани Химзавода).

«Вот потому и деньги падают в цене, что кругом вредительство и мошенничество, и не только специалистов. И коммунистов тоже, кого не посади, все тащат в свой карман, а для рабочего все это неизвестно. Власть не строит хозяйство в стране, а разрушает последнее». (Трухин, б/и, бетонщик Кузбасстроя).

(Из спецсводок Кузнецкого окротдела ОГПУ для председателя горисполкома Белоусова, сентябрь—ноябрь 1930 г., озаглавленных «О мероприятиях и настроении рабочих в связи с Обращением ЦКВКП(б) о ликвидации прорыва»).

Старожилы нашего края, их бесценные свидетельства ждут нас и сегодня. Тем более — сегодня. Потому что по прошествии полувека с магистрали исторической памяти сметаются «золотящие» песчинки и все более четко обрисовываются контуры исторических вех. И одна из главнейших — Кузнецкстрой. С его романтизмом и пафосом. С его верой. С его жертвами.

Вместо эпилога

За долгие десятилетия И. Эренбург привык жить под двойным огнем: отечественные догматики неизменно обличали в нем космополита, субъективиста, поборника формализма в искусстве (А. А. Фадеев как-то пошутил, что эренбургская квартира, увешанная работами Пикассо,— это последняя цитадель формализма в СССР), с другой стороны, «буржуазная» печать Запада с неменьшим запалом именовала его «сталинским эмиссаром».

В архиве Ильи Эренбурга сохранилась сделанная неизвестной рукой запись его выступления на встрече с читателями одной из библиотек Москвы в 1966 году. Это было одно из последних публичных выступлений писателя, и прямого, с которой Эренбург отвечал на поставленные вопросы, диктовалась не только его возрастом и характером, но и пониманием того, что куцые демократические свободы той поры — уже на исходе. Запись выступления ходила тогда по Москве...

Итак, слово Эренбургу: «...Меня упрекают в том, что я скомкал конец своей книги, где говорится о Сталине, утверждают, что я обязан был до конца разоблачать его, и т. д..

Я не согласен с этим. В письме ко мне, которое идет по Москве, меня упрекают, что я называю Сталина умным. А как же можно считать глупым человека, который перехитрил решительно всех своих, бесспорно умных, товарищей? Это был ум особого рода, в котором главным было коварство, это был аморальный ум. И я об этом писал. Не думаю, что дело выиграло бы, если бы я добавил несколько бранных эпитетов в адрес Сталина.

Я сделал то, на что я способен, сделал все в пределах того, что мне понятно, дал психологический портрет наиболее экономными средствами. Но тут граница моего разумения. И в этом я открыто признаюсь и признавался. Ведь историческое дело не в личности Сталина, а в том, о чем говорил Тольятти: «Как Сталин мог прийти к власти? Как он мог держаться у власти столько лет?» Вот этого-то я и не понимаю. Миллионы верили в него безоглядно, шли на смерть с его именем на устах. Как это могло произойти?

Я вижу петуха в меловом кругу или кролика перед пастью удава и не понимаю.

Ссылки на бескультурье и отсталость нашего народа меня не убеждают. Такие доводы кажутся мне неубедительными...

Я жажду получить ответ на этот главный вопрос, главный для предотвращения такого ужаса в будущем. И я приглашаю всякого, кто может ответить на этот вопрос, позвонить и прийти ко мне, но так, что говорить буду не я, а пришедший...

Здесь приводили библейскую легенду о сорока годах странствия по пустыне... Дело не в том, что Моисей хотел за сорок лет переделать рабскую психологию своего народа, а в том, что сорок лет нужно было, чтобы люди, помнившие рабство, физически вымерли... Надежда моя — на молодежь, которая не прошла через такое воспитание. Я ее очень люблю. Она, разумеется, делает глупости, но у нее есть дух критики, дух независимости мысли, она не оглядывается на директивы, а ищет, и она найдет. Найдет, но только в том случае, если сумеет реабилитировать совесть...

Если же мы не сумеем восстановить место совести в нашей жизни, если мы не реабилитируем совесть, то вся эта галиматья с луной, спутниками и прочим окажется бредовым цирковым трюком на финальном этапе истории человечества».

1964-88 г.